

Метафора представляет собой реализацию особой категории, в которой находят отражение мыслительные, языковые и культурные процессы. В лингвистической науке метафора рассматривалась издавна скорее как стилистическое средство или художественный прием, реже как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер

ЖАН-АЛЕН НГАПУТ

Метафора в языковой картине мира

отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении.

Этот последний, деятельный аспект метафоры самым непосредственным образом связан с человеческим фактором в языке. Благодаря ему в языковых средствах запечатлевается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития. Это ставит проблему определения места метафоры в понятиях культуры и со-

здает предпосылку для развития теории метафоры в свете культурологического подхода. Этот подход к изучению метафоры только обозначился и вытекает из известной формулы В. фон Гумбольдта «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energia)». Слово поэтому «не несет в себе чего-то уже готового, подобно субстанции, и не служит оболочкой для законченного понятия, но просто побуждает слушающего образовать понятие собственными силами, определяя лишь как это сделать»¹.

Называя обычный предмет, продолжает он, например, лошадь, люди имеют в виду одно и то же животное, но каждый вкладывает в слово свое представление — более чувственное или более рассудочное, более живое, образное или близкое к мертвому обозначению.

Поскольку в каждом значении слова языка заложен метафорический потенциал, на развитие новых значений оказывают влияние особенности исторического развития народа, своеобразие его национальной культуры, быта, его связь с другими народами, природные условия страны и т. п.

Рассматривая внутренние и внешние значения слова в образовании языковой картины мира, У. Гоуха² отмечает, что «языковая картина мира, продукт взаимодействия реальности, мышления и языка, — факт национально-культурного наследия народа. Обладая, помимо специфично отраженных знаний о мире, еще и собственной семантикой, языковые картины мира становятся источниками дополнительной (к концептуальной картине) информации о реальности. Поскольку лингвистическая дополнительность создается за счет национально-специфических закономерностей языка, она ведет к несовпадению языковых моделей мира в некоторых зонах. Причина интерференции не разница в языковом структурировании одного и того же смысла, а наличие в одном языке и отсутствие в другом национально-специфических языковых форм, способов познания реальности. К ним относятся внутренняя форма слова и метафоры, перенос-

ные значения слова, стилистические и словообразовательные средства. Языковая семантика в данном случае восходит к системе знаний человека лишь опосредованно, через языковую образность».

Когда речь идет о языковой картине мира, обычно имеется в виду прежде всего национально-языковая картина мира. Национально-языковая картина мира, с точки зрения лингво-культурологической методики РКИ, как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров³, отражается в специфических образных ассоциациях, сопровождающих восприятие действительности представителями соответствующей культуры. Это своего рода словесно-художественные призмы, по-разному преломляющие впечатления. Поскольку они обычно свойственны национальному коллективу, принадлежность к которому ощущает каждый его член, также призмы лежат в основе «фоновых» эмоций.

Языковая картина мира — это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми знаками и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка.

В национальной языковой картине мира Чинь Тхи Ким Нгюк в своей работе «Проблемы языка и культуры при изучении иностранных языков»⁴ уделяет большое внимание двум основным факторам: национальному характеру и национальному менталитету.

Национальный характер понимается как своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые привычки и традиции, формирующиеся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющиеся в специфике ее национальной культуры. Но национальный характер — это не только совокупность специфических, своеобразных, присущих только данному народу черт, но и своеобраз-

разный набор универсальных общечеловеческих черт.

Национальный характер относится к области коллективного бессознательного и характеризует, в первую очередь, эмоционально-волевую и поведенческую сферу. Мы разделяем эту точку зрения и также согласны с И. Постоваловой, которая утверждает, что «картина мира ни в коей мере не должна быть стенограммой знаний о мире». И далее «... она не есть зеркальное содержание мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания. Она зависит от призмы, через которую совершается мировидение»⁵.

Проблемы национально-языковой картины мира теснейшим образом связаны с проблемой метафоры как одним из способов ее создания. Ибо метафора обладает свойством «навязывать говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир — взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения, «вплетаюсь» в концептуальную систему отражения мира, «окрашивают» ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка навязывать невидимый мир тем или иным способом.

В каждом языке существуют традиционные и специфические для народа-носителя образные ассоциации, при помощи которых происходит метафорическое переосмысление одних и тех же предметов или явлений.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем»⁶ делают особый акцент на том, что метафоры пронизывают повседневную жизнь человека и проявляются не только в языке и мышлении, но и в действии. Из того факта, что в англоязычной, франкоязычной, да и в русскоязычной культуре спор мыслится как война (об этом свидетельствует богатая метафорическая сочетаемость этого слова (быть незащищенным в споре, нападать на слабые места в аргументации, критические замечания бьют точно в цель, атаковать противника в споре, стратегия спора, уничтожить оппонента своими аргументами и пр.), следует

также и наше поведение во время спора. Спор, понятие спор, упорядочивается, понимается, осуществляется как война, потому что о нем говорят в терминах войны. Они продолжают: «В нашей культурной среде время особенно ценится. Его ресурсы для нас ограничены. Поскольку в современной западной культуре понятие труда обычно связывается со временем, затрачиваемым на его выполнение, а время подлежит точному количественному измерению, труд людей обычно оплачивается согласно затраченному времени по часам, неделям и годам. Отсюда метафора «Время — деньги». В истории человечества эти общественные установления относительно новы и существуют далеко не во всех культурах.

Мышление человека склонно отражать мир антропоморфно или зооморфно. Поэтому характеристики человека выступают основным объектом метафоризации во всех языках. Системными и универсальными можно признать структуры «человек — животное» и «человек — растение». Однако разные языки находят в животных и растениях отличные свойства и качества, которые за ними закрепляются и переносятся на человека для его образной характеристики. Создается обиходно-бытовое представление носителей определенного языка и культуры.

Метафорам-названиям животного мира принадлежит центральное место в общем числе образных характеристик, и это естественно, потому что с данными номинативными вариантами связаны представления народов о живых существах с присущими им особенностями поведения, повадками, нравами, занимающие устойчивое и значительное место в сознании.

Так, русская метафора «кит» в значении «одного из главных или наиболее важных лиц в каком-либо деле, деятельности, на которых это дело держится» восходит к стандартному представлению о том, что земля покоится на трех китах. Метафора обнаруживает тенденцию к конструктивной обусловленности значений, чаще употребляясь с родительным объекта: киты науки.

В русской образно-метафорической системе особое место занимают птицы, поскольку в сознании птица ассоциируется с такими характерными для русской ментальности понятиями, как свобода, воля, простор. В 2000 г. вышла книга Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петрова «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.»⁷, посвященная этой теме.

Следует отметить, что зооморфическим характеристикам в русском языке могут подвергаться не только внешние и внутренние свойства человека, но и социальное положение, религиозные убеждения и др. Например, невелика птица, вольная птица, зубр (консервативный человек с отсталыми взглядами), козявка, пивка (незначительный, ничтожный человек), крыса — человек, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное (архивная крыса, церковная крыса, канцелярская крыса и т. п.). Как уже отметили, эти переносные значения формируются под влиянием культурных, социальных или географических факторов и могут не совпадать в разных языках, ибо изучение метафоры в сравнительно-сопоставительном плане позволяет проникнуть

в общие закономерности человеческого мышления и выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка.

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 165.

² Гоуха У. Национально-культурные аспекты семантики русских номинативных единиц. М., 1995. С. 43–44.

³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

⁴ Чинь Тхи Ким Нгок. Проблемы языка и культуры при изучении иностранных языков. М., 1999.

⁵ Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 113.

⁶ Lakoff G., Johnson M. Les metaphores dans la vie quotidienne. P.: Les Editions de Minuit, 1985.

⁷ Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. I: «Птицы». М., 2000.